Автор: admin
05.06.2011 03:39 -

Индоевропейский миф и эпос «Манас»

Эпопея «Манас» хранит в себе множество тайн. Еще не скоро окончательно прояснятся вопросы о происхождении эпоса, его изначальном предназначении, историчности, о зашифрованной в его сотнях тысячах поэтических строк философии. В настоящее время политическая и интеллектуальная элита получивших относительную свободу слова тюркских народов бывшего СССР отчаянно бросилась на поиски правды о своем прошлом. К сожалению, несмотря на благородность подобных устремлений, многие из новейших исторических работ по истории тюрков больше напоминают идеологические памфлеты, нацеленные на обворовывание истории соседей по региону. Встав на зыбкую почву фанатичного возвеличивания прошлого собственной нации, многие историки по сути закладывают ядовитый фундамент для взаимной неприязни, обид и столкновений в будущем между исторически связанными народами Евразии.

Стараясь совместить поиск исторической правды с неприятием идеологически препарированных, предвзятых или просто непрофессиональных работ о прошлом тюркских народов и их культурном наследии, мы хотели бы со всей скромностью и осторожностью предложить заинтересованным читателям по новому взглянуть на кыргызский героический эпос «Манас». Предварительно полученные нами результаты, основанные на работах французского ученого, крупнейшего мифолога XX века Жоржа Дюмезиля, свидетельствуют о том, что культ озера Манаса и поэтическое сказание «Манас» принадлежат к большой семье индоевропейских мифов. Таким образом, и это крайне важно, мы постарались не ущемлять и не унижать другие нации, обосабливая собственное национальное достояние и превознося над остальными хранивший его веками народ, а наоборот – указать на возможную культурную принадлежность кыргызов к сообществу всех тех народов, которые принято сегодня называть индоевропейскими.

В поисках идеологии индоевропейцев

Сходство между романо-германскими и персидскими языками некоторые европейские ученые отмечали уже в XVI веке. В конце XVIII века английский лингвист Уильям Джоунз пришел к заключению, что греческий, романо-германские языки и санскрит возможно имеют общие корни, идущие от единого для них языка-прародителя. В XIX-XX веках, благодаря титаническому труду Р. Раска, Ф. Боппа, Ф. Мюллера, Б. Грозного и многих других ученых, было установлено, что индоевропейская семья языков включает в себя

анатолийскую группу языков (вымершие языки хеттов, лидийцев, ликийцев и т.д.), индоарийскую группу (санскрит, ведийские языки, пракриты, хинди, бихари, цыганский, дардский языки и т.д.), иранскую группу (авестийский, древнеперсидский, пехлеви, парфянский, согдийский, фарси, таджикский, пушту, курдский, талышский, осетинский и т.д.), тохарскую группу (вымершие языки Таримского бассейна), иллирийскую группу (вымершие языки Адриатики), греческую группу (древнегреческий, византийский, новогреческий), италийскую группу (латинская и романская подгруппы), кельтская группу (гальский, бретонский, уэльский, ирландский и т.д.), германскую группу, балтийскую группу, славянскую группу, армянский, албанский и фригийский языки. Что касается урало-алтайской семьи языков, в которую входит тюркская группа, то она в науке рассматривается самостоятельно, хотя и входит вместе с индоевропейскими языками в так называемую «ностратическую семью».

По мере того, как множились и крепли доказательства наличия родства между языками индоевропейской семьи, ученые все чаще задавались вопросом о том, существовал ли в прошлом общий для них праязык. Если таковой существовал, то тогда в древности должен был существовать и единый, по крайней мере в культурном плане, народ, говоривший на этом языке и являющийся одним из предков многих индоевропейских этносов прошлого и настоящего. Если же была культурная целостность, тогда между индоевропейцами также должны существовать сходства иного рода, нежели просто лингвистические. В частности, сходство обязательно должно прослеживаться в мифологическом творчестве индоевропейцев. Однако, вплоть до 30-х годов XX века, все исследования в данном направлении не давали никаких положительных результатов. В то время, пока сравнительная индоевропейская лингвистика делала одно открытие за другим, сопоставление преданий, легенд, мифов и эпосов народов индоевропеской языковой семьи терпело неудачу за неудачей.

В 1930 году французский филолог, историк религий и мифолог Жорж Дюмезиль (1898-1986) в статье «Индоиранские касты в доисторический период» на основе текстов древних преданий доказал, что у доисторических осетин, иранцев и индусов существовала схожая схема деления общества на сословия, классы или, как предпочитал говорить сам Дюмезиль, «касты»: (1) жрецы, (2) воины и (3) скотоводы **[1].** Настоящее открытие, одно из крупнейших в истории гуманитарных наук, Жорж Дюмезиль делает в 1938 году, когда при изучении одного из древнеримских текстов он выясняет, что в доисторическом Риме, описанном в мифах и легендах, внутри сословия жрецов выделялась особая группа, так называемых «фламинов». Среди фламинов, в свою очередь, выделялась группа верховных фламинов, состоящая из трех жрецов. Согласно легенде, первый из них заведовал культом верховного бога Юпитера, второй – культом бога войны Марса, а третий – культом бога общины и сельского хозяйства Квиринуса. Получалось, что деление внутри группы верховных фламинов Древнего Рима в точности соответствовало кастовому делению общины у доисторических осетин, иранцев и индусов! Действительно, в легендах говорится, что третья каста у

индоиранцев – скотоводы, а третий верховный фламин Рима бдил за культом бога сельского хозяйства и общины. Скотоводство – это часть сельского хозяйства, а община, в представлениях древних, являлась мерилом благосостояния: если она больше, многочисленнее, сплоченнее, значит есть где жить и чем питаться, то есть существуют необходимая экономическая база. Что касается второй касты индоиранцев и второго верховного фламина древнеримских легенд, то в обоих случаях речь идет о войне, армии и солдатах. Менее очевидна связь между кастой жрецов у индоиранцев и культом бога Юпитера. Бог Юпитер, аналог греческого Зевса и германского Тора, являлся верховным божеством, царем богов и людей. В древних индоиранских обществах «каста» жрецов была тоже главенствующей, доминирующей по отношению к двум остальным сословиям. Выходит, что в обоих случаях речь идет о верховенстве, власти.

После находки 1938 года Жорж Дюмезиль делал открытие за открытием. Исследования равивались с большой скоростью. Семья индоевропейских мифов постоянно уточнялась и пополнялась. Найдя верный путь для поисков, выбрав так называемый «структурный подход», Дюмезиль заполучил инструмент, с помощью которого стало возможным быстро и надежно анализировать и сопоставлять мифы индоевропейцев. Этот инструмент он назвал идеологией трех функций, троичной функциональностью или просто трехфункциональностью.

Идеологию индоевропейцев следует понимать на самом высоком уровне абстракции. Согласно ей, в основе Вселенной лежат три стихии. Одна из них несет в себе Уничтожение. Другая – представляет собой Жизненное начало. Вдвоем они противостоят друг другу. Последняя из стихий занимается Упорядочиванием. При слиянии всех трех стихий жизнеотрицающее и жизнеутверждающее начала упорядочиваются и вступают во взаимную гармонию, что дает толчок всем процессам во Вселенной. В ходе многовекового развития и рафинирования этой идеи первая стихия (функция упорядочивания) стала включать в себя такие понятия, как власть, верховенство, могущество, закон, традиции, соблюдение и сохранение порядка, служение богам, ум, знания, образованность, рассудительность, глупость (отсутствие ума), недальновидность, конформизм, обывательщина, раболепие (чрезмерное подчинение), а также сверхестественные способности, магия и волшебство. Вторая стихия (функция жизнеотрицания) – грубая сила, насилие, жестокость, убийство, война, армия, военная доблесть, удаль. Третья стихия (функция жизнеутверждения) – обилие, плодородие, производство и потребление благ, размножение, большая численность (чего-либо), любовь, семья, чувственность, красота, алчность, похоть.

В ходе исследований Дюмезиль постепенно пришел к выводу, что подавляющее большинство мифов индоевропейских народов прошлого и настоящего имеют

трехфункциональную структуру, то есть построены согласно идеологии трех функций. Им также были проверены многие известные ему мифы, легенды и эпосы не индоевропейских народов. Трехфункциональности в них не оказалось. Например, нет трех функций в эпосах Шумера, в том числе и в сказании о Гильгамеше. Трехфункциональность отсутствует в древних китайских и японских преданиях. Нет ее у финно-угров, сибирских народов, арабов, иудеев, американских индейцев и народов Африки к югу от Сахары.

Приведем несколько примеров. Дюмезиль доказал, что в германо-скандинавской мифологии отчетливо прослеживается идеология трех функций. В тексте о последнем периоде язычества в Швеции говорится, что в храме Упсаллы почитают трех богов: Тора, самого могущественого из богов, Водана (Одина), бога доблести и войны, и Фрикко, дарующего людям мир, спокойствие, благополучие и радость жизни. В немецкой саге об Эгилле говорится об аналогичных божествах.

Согласну мифу об основании Рима, основателем города является Ромул – сын бога войны Марса. Предание гласит, что римляне похитили дочерей своих соседей – богатых сабинян –, которые ответили на это войной. От разгрома римлян спас верховный бог Юпитер и война закончилась союзом двух племен. Вождь сабинян Тит Таций привел в Рим свой народ, а вместе с ним и богов сабинян, которые все связаны с плодородием. Поскольку у римлян уже был свой царь-бог Юпитер и бог войны Марс, с прибытием божеств сабинян пантеон богов нового племенного союза стал трехфункциональным.

В легенде о первых царях Рима также прослеживается трехфункциональность. Первые два мифических царя Рима, Ромул и Нума Помпилий, охарактеризованы в легенде как цари-основатели римского государства. Третий царь, Тулл Гостилий, согласно преданию, все свое время проводил в битвах и военных походах. Четвертый царь, Анк Марций, обогатил город Рим, построил порт и много времени уделял экономическим проблемам.

В Авесте – сборнике IV века н.э. древнейших канонических текстов иранцев – над всеми богами возвышается Ахура Мазда. Однако, наряду с ним в тексте упоминаются и боги второго порядка – «архангелы» (Амеша Спента) –, которые делятся на 3 группы: (1) Багу Мана и Аса (верховные божества, олицетворяющие Мудрость, Могущество и Порядок); (2) Кчатра (Мощь, Сила); (3) Армаити (Земля, породившая иранцев), Хаурватат (Щедрость) и Амератат (Бессмертие).

Трехфункциональная схема отличается большой гибкостью, что является прямым следствием индоевропейской идеи о том, что три стихии лежат в основе всех процессов во Вселенной. Трехфункциональность может быть «встроена» в любую сюжетную линию легенды или мифа. По ней может быть выстроено описание как объектов (предметов, людей, богов, животных, племен и т.д.), так и связанных с объектами действий (выбор, ошибка, грехопадение, мечта и т.д.). Например, в исландском цикле мифов «Эдда» рассказывается о первой битве богов, в ходе которой боги Аса (среди них Один и Тор) противостоят Ванам (среди них Фрейр, Ньодр и Фрейя – боги плодородия). В «Иллиаде» Гомера троянец Парис должен выбрать между Герой, которая обещает ему власть, Афиной, которая обещает ему победы в битвах, и Афродитой, которая обещает Парису самую красивую женщину на свете. Мифический царь Ирана Феридун заставляет своих сыновей определиться с выбором дальнейшего жизненного пути. Мечтавший о богатстве сын Салым получил в наследство Римскую империю (3-я функция). Другой сын, Тоз, хотел доблести и завоевал Туркестан (2-я функция). Третий сын, Эредж, почитавший законы и религию, получил в наследство престол Ирана и Индии (1-я функция). Королевство легендарного кельтского короля Лудда столкнулось с тремя напастями. Во-первых, жителей королевства стали терроризировать «всеслышащие люди», которые узнавали и выдавали секреты людей, внося таким образом смуту и неразбериху во взаимоотношения между людьми. Это приводило к ссорам, дракам и общественным беспорядкам (1-я функция). Во-вторых, неподалеку от королевства поселились два гигантских дракона, которые день и ночь бились друг с другом, создавая жуткий грохот и сотрясая землю по всей окрестности. Жить в таких условиях людям было невыносимо (2-я функция). В-третьих, в королевство пробрался волшебник, который промышлял тем, что воровал у жителей и из королевских кладовых еду и драгоценности (3-я функция). На одной из древнеперсидских стелл высечено обращение царя Дария к Ахуре Мазде, чтобы тот уберег персидское царство от лжи, вражеских войск и плохого урожая. В древнейшем сборнике индийских гимнов Риг-Веде упоминаются боги (1) Митра и Варуна (верховные божества), (2) Индра и Вейо (боги войны) и (3) целый ряд божеств плодородия. В Махабхарате главные герои, Пандавы, являются детьми богов, представляющих три функции.

Следует заметить, что хотя трехфункциональная идеология и является основной в структуре индоевропейского мифа, она все же не единственная. К другим общим для индоевропейских мифов и эпосов структурам Дюмезиль относит разделение первой функции на две части (чаще всего два божества). Первая часть практически всегда более ясная, спокойная, степенная, рассудительная, благоволительная. Вторая – более суровая, буйная, неудержимая, воинственная, жестокая. Такое разделение четко прослеживается в парах Янус/Юпитер, Гера/Зевс, Багу Мана/Аса, Митра/Варуна. Также, в индоевропейской мифологии часто встречается биполярная структура Ветер/Огонь, где Ветер означает пространство, небо, воздух, а Огонь землю, вулканическую лаву, плазму Земли. Наконец, в индоевропейских сказках, мифах и легендах нередко встречается тема одноглазия и однорукости.

Манас и идеология трех функций

Высоко в Гималаях, на территории провинции Тибет, недалеко от китайско-непальской границы, на высоте около 4500 м. расположено пресноводное озеро Манасаровар (по тибетски Mapham Yumco, на каноническом буддийском языке пали Anotatta). На сравнительно небольшом расстоянии от озера возвышается величественная, словно сверкающий на солнце хрусталь, гора Кайлас (6730 м.). Этот завораживающий любого попавшего сюда человека дуэт горы и озера вот уже на протяжении тысячелетий является главным местом паломничества для представителей четырех крупнейших верований Азии: индуизма, буддизма, джайнизма и тибетской религии Бон. Верующие глубоко убеждены, что гора Кайлас – это центр вселенной (Ось Мира, согласно буддийской космогонии), обиталище богов, место, куда на заре времен из космоса спустился Первочеловек. Манасаровар, то есть озеро Манаса, в переводе означает «необъятное, непостижимое, непобедимое озеро». Такое название, видимо, объясняется тем, что озеро расположено в трудноступном месте высоко в горах. Согласно упомянутым выше религиям, озеро Манаса является источником Жизни на Земле. По древним верованиям, свое начало в нем берут четыре крупнейшие реки в мире: Шатадру («река, вытекающая из пасти слона»), Каргали («река, вытекающая из пасти быка»), Брахмапутра («река, вытекающая из пасти коня») и Инд («река, вытекающая из пасти льва»), которые, сливаясь с другими реками гималайских склонов, бурными потоками спускаются в густонаселенные разными народами долины. Поскольку без воды жизнь не возможна, а человеческие коллективы для ведения хозяйства (земледелия, скотоводства) нуждаются в постоянных и обильных источниках воды, дающие воду реки и породившее их озеро Манаса издревле рассматриваются людьми, населяющими регион, как источник Жизни.

Близость к подножию горы Кайлас создало у приходивших сюда на протяжении тысячелетий паломников впечатление, что озеро Манаса находится в тени священной горы. В переводе с языка метафоры это означает, что озеро является задумкой богов. В итоге получается, что в религиозном понимании у озера Манаса есть три атрибута: (1) будучи замыслом, промыслом богов, озеро имеет божественное происхождение; (2) озеро непобедимо, необъятно, труднодоступно; (3) оно является источником рек, дающих жизнь всему живому. При сопоставлении этих атрибутов с тремя функциями Дюмезиля получается полное соответствие. Иными словами, культовые представления об озере Манаса можно с большой долей вероятности отнести к большой семье индоевропейских мифов.

Манас – это не только озеро, почитаемое миллионами верующих Азии. Это еще и древнейшая героическая эпопея, которую кыргызский народ хранит и передает из поколения в поколение на протяжении многих веков. За советский период эпос «Манас»

много и глубоко изучался. В этом направлении советскими учеными, и кыргызскими в частности, было получено много интересных результатов. Вместе с тем, подобно тому, как воды мирового океана еще до сих пор плохо изучены современной наукой, храня в себе бесчисленное множество нераскрытых тайн, так и исследование эпопеи «Манас» еще может подарить исследователям огромное число неожиданных открытий. Насколько нам известно, в трудах Дюмезиля и адептов его структурного подхода нет ни одной ссылки на кыргызскую эпопею. Ни Жорж Дюмезиль, ни его последователи никогда не занимались вопросом о принадлежности эпоса «Манас» к семье индоевропейских мифов. Будем надеяться, что однажды подобная работа будет в полном масштабе проделана манасоведами из Кыргызстана совместно с мифологами из западных стран. Сейчас же, за неимением лучшего, мы предлагаем читателям скромную попытку, небольшой набросок на предмет наличия в эпосе «Манас» индоевропейской идеологии трех функций.

Эпос «Манас» совершенно справедливо называют «океаноподобным». Поэтому в нашей статье бессмысленно анализировать весь текст эпопеи на наличие в нем трехфункциональности. Для начала позволительно наугад зачерпнуть из кыргызского эпоса небольшую часть, в которой сжато отобразится вся индоевропейская природа народного сказания. Возьмем часть эпоса, начиная с совета родовичей, который хан Джакып созывает в связи с обострением угрозы нападения на кыргызов кытаев, разозленных поведением непокорного Манаса, и заканчивая разгромом кыргызскими войсками ханов Орго и Илебина. Этого будет вполне достаточно, чтобы кратко, не вдаваясь в лишние подробности, по порядку привести все примеры трехфункциональности, которые удалось обнаружить в выбранном отрезке **[2]**.

Озабоченный сложившимся положением хан Джакып спрашивает у собравшихся на совет родовичей, куда бежать от кытайской угрозы. Слово берут три человека. Первый, Бердике, в отчаянии сетует на то, что кытаи разорят кыргызов, отнимут у них скот и пастбища, поработят женщин и детей. Другими словами, Бердике ведет речь об имуществе, о благополучии общины, то есть затрагивает экономическую сторону проблемы, что соответствует третьей функции по Дюмезилю. Вторым слово берет Байджигит, который говорит о том, что враг жестоко расправится с кыргызами, уничтожит женщин и детей, стерет народ с лица земли. Это вторая функция по Дюмезилю. Третьим слово берет Камбар уулу Айдаркан, который предлагает ничего не предпринимать (сохранить статус кво), никуда не бежать и положиться на волю Бога, на судьбу или на удачу. Это первая функция по Дюмезилю. В данном случае три фукции используются для описания отрицательного характера представителей руководящего сословия кыргызов.

После этого приходит Манас со своими чоро. Он возмущен пессимизмом собравшихся и

решает их переубедить. Действует он в три этапа, следуя схеме трех функций. Сначала Манас решает напоить и досыта накормить собравшихся:

«На зеленом лугу с густой травой —

Там всех он [Манас] рассадил,

Так сивогривый твой приказал.

Широким кругом сели они,

В середине круга — простор.

Вот так, проявив широту своей души,

Жирное казы, подгривного жира куски

Повелел людям подать,

Всех ненасытных обжор

Белым-пребелым жиром накормил,

Двести бурдюков кумыса,

Сказав: “Пусть жаждущие пьют”,

Перед людьми поставить повелел.

Велел принести сорок бурдюков,

Сказав: “Кто хочет, пусть пьет”.

Арак, что был в бурдюках,

По семьям разнесли.»

Итак, в первую очередь Манас обращается к желудку собравшихся (3-я функция). Затем он заводит длинную речь, состоящую из ряда аргументов в пользу объявления войны калмыкам и кытаям:

«Старшие и младшие братья, находящиеся [здесь],

Разве уцелеешь, если [о пощаде] будешь молить?

Если струсишь, разве [враг] пощадит?!

Если родится ягненок-баранчик,

Для каких уготован он дел?

Если родится храбрец,

Для каких предназначен он дел?

Когда родится ягненок-баранчик,

Для жертвоприношения уготован он,

Когда появляется [на свет] храбрец,

Для защиты чести создан он!

Есть старики, смотрящие за скотом,

Есть дети, не умеющие ходить,

Есть беззубые старики,

Есть детишки с розовым кулачком.

Сяду-ка я на коня,

Возьму на изготовку копье,

Думать: “Сильный Эсен-хан”,

От Бейджина в пяти месяцах пути, —

Здесь, находясь, страшиться,

Бояться — не к лицу!

Если бог на [мою] голову его послал,

Если выйду на битву [с ним],

Разве можно себя жалеть?

Разве он, наконец, не обычный человек,

А пери, див-великан?

Раз богом предписано мне

С Эсен-ханом враждовать,

Раз с ним я в распрю вступил —

Ведь у нас горячая кровь! —

Зачем же теперь душу свою жалеть?

Как же нам дальше на Алтае жить?

Многочисленное войско соберем,

Не уклоняясь от битв,

Пойдем по пути отцов!

Зачем же бездействовать нам?

Из силачей войско соберем —

По пути дедов пойдем.

Если против негодников тех

Не пойти, то как же спокойствие обрести?»

Тут Манас взывает к разуму людей, что соответствует первой функции идеологии индоевропейцев. В конце он переходит на угрозы и обещает применить грубую силу, насилие ко всем тем, кто не пойдет на войну или опоздает на военные сборы (2-я функция):

«Тех, кто в войско пришел, я приму,

Тому, кто с запозданием в войско придет,

Голову отсеку.

Тех, кто приехал, в войско приму,

Всем, кто не хочет идти, отстал,

Перерублю хребет.

Того, кто сядет на коня, в войско приму,

А всех, кто откажется [в поход] идти,

Так вот на муки обреку!

Все ли слышали вы —

И молодые и старики?»

Речь Манаса с угрозами также состоит из трех функций: он зазывает умных и хитрых (1-я функция), сильных и храбрых (2-я функция) и объявляет всеобщую мобилизацию, обращается ко всему народу, желая собрать как можно большее количество людей (3-я функция).

Враги Манаса тоже описываются с помощью трех функций. Узнав о готовящемся кыргызами походе на калмыков и кытаев, злодей и сын чародея Култанг бросается создавать анти кыргызскую коалицию. Он направляется к хану Текесу, обращаясь к нему со словами: «Будь ты поборником [нашим]. У тебя многочисленный народ...». Акцент здесь делается на многочисленности населения, что соответствует третьей функции по Дюмезилю. По плану Култанга, Текес должен подключить к союзу хана Орго, славившегося своим непобедимым войском (2-я функция), и хана Илебина «у кого шестьдесят чародеев и семьдесят колдунов» (1-я функция).

Согласно идеологии трех фуекций также представлен процесс выбора нового хана калмыков. После разгрома калмыков и самоубийства Текеса Манас предоставляет калмыкскому народу суверенитет и право самим выбрать себе хана. С просьбой воссесть на ханский белый войлок сначала обращаются к богачам (1-я функция) Уйшюмбаю и Текё, но они отказываются. Затем с этой же просьбой обращаются к Дардаку, прославленному удальцу и силачу (2-я функция), но и он отказывается. В итоге ханом становится известный в народе своей мудростью сын Темир-хана Тейиш (1-я функция).

За время с начала похода на Текеса вплоть до смерти калмыкского хана Манас сталкивается с тремя угрозами. Первая угроза: необдуманное применение грубой силы (2-я функция). Дело в том, что Текес не послушался советов Култанга и не стал просить поддержки у Орго и Илебина. Он обратился за помощью к колдуну Куясу. Используя заклинания, чародей Куяс превратил траву и деревья в бесчисленное войско, грозные воины которого в точности воспроизводили то, что делал их противник. Мудрый Бакай это быстро понял: когда он смеялся, смеялись и воины; стоило ему замахнуться на них копьем, как они тут же сделали то же самое. На войско Куяса нелья было идти грубой силой. Нужен был хитрый ход. Манас с Бакаем распорядились рассыпать возле войска Куяса кучи пороха и поджечь их. Будучи сделанными из дерева и сухой травы, солдаты быстро воспламенились и за короткое время сгорели до тла! Вторая угроза: алчность и похоть (2-я и 3-я функции). После капитуляции калмыков армия кыргызов и их союзников пожелала учинить на завоеванной земле беспредел: разграбить

побежденных, поработить их женщин и детей, отобрать пастбища и т.д. Иными словами, воины жаждали удовлетворить свои низменные желания. Однако, Манас не допустил этого, призвав кыргызов быть более толерантными к побежденным и предоставить им свободу и суверенитет. Более того, Манас опасался разложения и деморализации войска. Третья угроза: похоть (3-я функции). Манас вступил в поединок с красавицей-богатыршей Сайкал. Воспылав к девушке страстью, Манас решил поддаться ей, дабы случайно ее не покалечить, что чуть было не обернулось для него поражением и позором. Осознав всю опасность положения и подавив в себе желания, Манас в итоге с большим трудом одолевает Сайкал.

Нависшие над Манасом угрозы означают опасность ничем не ограниченного буйства двух уже упоминавшихся стихий из индоевропейских представлений о Вселенной: жизнеотрицающего и жизнеутверждающего начал. При этом сам Манас выступает как сдерживающая их третья сила. Все три угрозы Манас предотвращает с помощью ума, а ум, как уже указывалось выше, соответствует первой функции индоевропейской идеологии. Выходит, что в эпосе «Манас» первая функция подчиняет себе две остальные, занимая доминирующее положение в трехфункциональной идеологии. Жорж Дюмезиль не раз указывал на подобную иерархию функций в индоевропейских мифах. Также следует отметить другую индоеропейскую черту кыргызского эпоса: дуэт Бакай – Манас. Мы уже указывали на то, что, как правило, первая функция индоевропейской идеологии биполярна, то есть состоит из двух частей, при этом одна часть мудрая, ясная, рассудительная, а другая более жесткая, суровая, буйная. Светлый, легкий, хитрый, умный образ Бакая в эпопее безусловно соответствует первой части, а образ Манаса – второй. Именно поэтому хана Илебина убивает Бакай, а хана Орго – Манас. Развивая мысль, можно предположить, что Бакай и Манас должны рассматриваться слитно, нераздельно, как два аспекта единой функции власти в мифических представлениях кыргызов. Подобно тому, как у авестийских иранцев первая функция распадается на Багу Мана и Аса, в кыргызкой мифологии над всем живым возвышаются мудрый Бакай (Багу) и могущественный Манас (Мана Аса). Биполярность хитрого Бакая и могучего Манаса особенно четко прослеживается в месте, где разгневанный на нерешительность своих солдат, испугавшихся колдовской армии Куяса, Манас решает в одиночку биться с врагом, но Бакай не дает ему этого сделать. Он предлагает сначала самому пойти на разведку:

«“Ну и бегите от нечестивцев!

Если двинется отовсюду столько войск,

Что будете делать тогда?

Разве что скроетесь под землей!

Свой скот, голову свою —

Разве что укроете все под землей!

Уцелеете от [вражеских] войск,

Если только спрячетесь на небесах!” —

С гневом проговорил [Манас],

Заторопившись, сел на Аккулу,

Собрался было поскакать,

Готов был двинуться в путь.

Дядя его Бакай говорит:

“Эй, постой-ка,— говорит,—

На разведку я один пойду,

Нечестивцам покажусь,

Сделаю вид, будто от них бегу.

Если погонятся за мной,

Я направлюсь к тебе,

А ты, перерезав им путь, сражение начнешь,

Всех нечестивцев разгромишь

И вызволишь меня.

С [громким] криком сражение начнешь,

Нечестивцев разгромишь,

Отобьешь ты меня”.

Сказал это храбрый Бакай,

В эту пору было ему тридцать лет,

Птица счастья — над его головой...»

Трехфункциональность также отчетливо прослеживается в сюжете сна манасчи Саякбая Каралаева **[3]**. Насколько нам известно, многие сказители древнейшего кыргызского мифа объясняли свои способности явлением к ним во сне Бакая и Манаса. Не вдаваясь в тупиковый по своей сути спор о том, действительно ли манасчи общались с верховными богами кыргызской мифологии, можно смело утверждать, что рассказ о вещем сновидении является неотъемлемой частью эпопеи «Манас», своего рода прелюдией к ней.

В сюжете сна Саякбая Каралаева можно выделить три основных момента. Во-первых, действие начинается с приглашения Саякбая войти в богато обставленную юрту и принять от находящейся в ней Каныкей чашу кумыса. Во-вторых, внезапно появившиеся Бакай и Манас очень грубо, жестоко обращаются с перепуганным до смерти Саякбаем. На него кричат, заставляют глотать землю, а застрявшие в горле комки Бакай грубо проталкивает древком камчи. В-третьих, важное место в сновидении отводится теме денег (19 рублей), которые бедняк Саякбай заработал с большим трудом, и угощения жертвенным мясом односельчан будущего манасчи.

Если рассматривать эти три момента сквозь призму идеологии трех функций индоевропейского мифа, многие непонятные вещи сразу принимают ясные очертания. Праздничная, богато обставленная юрта, приглашение войти в нее и принять угощение от Каныкей – это дань идущим из глубокой древности кыргызским традициям, согласно которым гостя сначала нужно пригласить в дом, с теплотою души принять, накормить и только потом о чем-либо просить. Разумеется, что боги Бакай и Манас – хранители Закона – не могли действовать вразрез с традициями. Согласно Дюмезилю, почитание закона, традиций и обычаев относится к первой функции индоевропейской идеологии. Грубое, жестокое обращение с будущим манасчи указывает на то, что он призван быть одним из воинов непобедимой армии Манаса, в обязанности которого будет входить борьба особого рода: рассказывать современникам о деяниях Манаса и тем самым пытаться предотвращать в кыргызском обществе проявления зависти, алчности, буйства животных инстинктов, жестокости, обывательщины, трусости, предательства, беззакония и т.д. В индоевропеской мифологии все, что касается войны, борьбы, армии относится ко второй функции. И наконец, 19 рублей, с которыми должен расстаться бедняк Саякбай взамен на двух жертвенных баранов, – это напоминание о бренности, маловажности всего материального, о непристойности алчности, пагубности излишеств

в потреблении. Все что касается богатства, имущества, обильной еды и т.п. относится, согласно Дюмезилю, к третьей функции индоевропейской идеологии. Вообще, неприязнь к алчности – один из лейтмотивов эпоса «Манас»:

«Храбрый Манас закричал:

“Саблей не рубился, стрелу не пускал,

Не натягивал тетивы, изображая храбреца,

Кого победили — достойный ли враг?

Не берите у него и сломанной иглы.

Зачем же вам добро,

Собираемое калмаками с давних пор?

На каждый кош возьмите скот [лишь] на убой,

В ваших же загонах остался скот!

Если у богатых возьмете скот на убой,

Оставьте в покое соседей их.

Старшие, молодые и старики,

Вы будто истосковались по добру,

Что с вами всеми произошло?”»

Заключение

Итак, на основе изложенного выше можно заключить, что мифические представления о Манасе, как озере, так и эпическом герое, принадлежат к большой семье индоевропейских мифов. Предварительный анализ произвольно выбранного отрезка кыргызского эпоса «Манас» на наличие в нем идеологии трех функций, которую Жорж Дюмезиль рассматривает в качестве отличительной черты индоевропейских мифов, дал положительные результаты. Можно с уверенностью заявить, что в эпосе «Манас» трехфункциональность встроена в сюжетную линию буквально на всех уровнях. Как узоры меньшего размера, преплетаясь, могут формировать аналогичные узоры большего размера, так и в кыргызском сказании трехфункциональность встречается на различных уровнях. Узор накладывается на узор, что в итоге дает цельную картину повествования. Более того, в эпосе также прослеживается другая важная структурная характеристика индоевропейской мифологии: двуединость первой функции, представляющей власть. Подобно тому, как у древних римлян есть Янус и Юпитер, у ариев – Митра и Варуна, у доисторических авестийцев – Багу Мана и Аса, так и в кыргызской мифологии верховными персонажами выступают мудрый Бакай и могущественный Манас. В целом же Манас – это бог Порядка, властитель стихий, который использует, сдерживает и вносит гармонию между жизнеотрицающим и жизнеутверждающим началами, тем самым даря благополучие кыргызскому народу.

Сноски:

[1] Для изложения теории Жоржа Дюмезиля мы использовали: Dumйzil, Georges Mythe

et йрорйе I, II et III (Миф и Эпопея, в трех томах), Gallimard, 1995; Dumйzil, Georges Mythes et dieux des Indo-Europйens (Мифы и боги индоевропейцев), Flammarion, 1992; Sergent, Bernard «Georges Dumйzil», adpf-ministиre des Affaires йtrangиres, Paris.

[2] См. академическое издание эпоса на двух языках: Манас. Киргизский героический эпос. Книга 2. М., Главная редакция восточной литературы издательства “Наука”, 1988 (серия “Эпос народов СССР”).

[3] Сюжет сна, подробно записанный со слов самого Саякбая Каралаева, можно найти в статье Болота Шамшиева «Загадка знака Манаса», опубликованной в газете "Моя Столица" за 10 августа 2004 г.